

1988

1988 год войдет в историю современной Беларуси как год открытия Куропат. Сделал открытие Зенон Позняк.

3 июня 1988 года.

В белорусской газете «Літаратура і мастацтва» опублікован очерк «Куропаты — дарога смерці». Авторы: Зенон Позняк и Евгений Шмыгалеv.

Из очерка:

“Очищение совести необходимо обществу, которое родило и допустило геноцид — наибольшее преступление против человечества. Известно, не станут раскаиваться ни мертвецы-убийцы, ни даже “тихие пенсионеры”. Раскаиваться должны последующие поколения, которые и не видели той беды, каяться за грехи предков. Моральные муки должны брать на себя потомки народа, оплакать жертвы, дать оценку преступлениям. Такова духовная диалектика общества. Народ, как и человек, имеет свою индивидуальность. Вот только человек одинок, а народ многолик. Человек ограничен во времени своим веком, а народ вечен своей историей.

В молодости всего меня до боли сердечной поразили рассказы людей, что вернулись из сталинских тюрем и лагерей, почти из небытия. Я тогда ничего не записал, а позже с ужасом понял свою ошибку в духоте 70-х, когда увидел, как неотвратимо все возвращается, как фольклоризуется, мифологизируется народная память о том времени и просто исчезает”.

Статья Позняка и Шмыгалева о Куропатах перевернула сознание. Люди обнаружили фашизм у себя на родине, свой, доморощенный, советский фашизм, стреляющий из нагана в затылок и тысячами зарывающий невинных в длинные рвы. Сознание противилось: не может быть!

Прокуратура БССР возбудила уголовное дело. В Куропатах начались раскопки. В густом сосновом бору трудились археологи, судмедэксперты, криминалисты, военспецы. Без отдыха там работал и археолог Позняк. Требовалось установить, доказать: кто лежит в могилах-впадинах; сколько лежит людей; кто, где, каким методом убивал; кто видел и может свидетельствовать...

И над Куропатами вновь повис туман ведомственной тайны, нагнетаемый прокуратурой и госбезопасностью. Система, породившая сталинский вариант фашизма, еще жила и, естественно, не желала саморазоблачаться. В республиканской прессе развернулась кощунственная дискуссия на тему: считать или не считать геноцидом уничтожение миллионов своих сограждан? Трудящиеся, выполняя команду отдела пропаганды ЦК КПБ, хором сказали: геноцидом не считать, геноцид -- в Африке.

В республиканских, областных и районных газетах валом печатались статьи трудящихся и интеллигентов, возмущенных поступками и речами Зенона Позняка. Вот характерный пример: “Мы до глубины души удивлены степенью политической близорукости З.Позняка. Он договорился до того, что наша Родина, Союз ССР -- “тюрьма народов”. Ах, Зенон, Зенон, не видел ты настоящей тюрьмы. Ты вдруг возомнил себя спасителем белорусской нации, ты стал рваться к политической власти. Да притом такой власти, которая бы служила не трудовому народу, а законам капиталистического бизнеса. Признаем КПСС ведущей политической силой страны, а общественно-политическую структуру государства проверенной на практических делах. Мы требуем от руководства республики, местных органов Советской власти призвать к ответу зарвавшегося самозванца” (Из резолюции общего собрания колхозников колхоза “Родина” Могилевской области.)

Зенон Позняк попытался еще раз выступить в газете и объяснить белорусам, почему надо докопаться до правды о Куропатах. Не тут-то было! Редакторы белорусских газет дружно отказали ему в публикации. Позняк решил обратиться в союзную прессу и выбрал смелую, как было принято считать, “Литературную газету”.

Мы встретились у меня дома и вместе подготовили небольшую заметку. Она уже стояла в номере, но в последний миг редактор “ЛГ” струсил. Узнав, что заметка не выйдет, Зенон Позняк вздохнул и без истерики сказал мне: “Я так и знал!”

К концу первой встречи мы были на “ты”. Это произошло безболезненно, просто. Позняк при разговоре не прятал глаза, как принято у политиков. Глаза у него -- честные, в них -- боль.

21 сентября 1988 года.

Посетитель корпункта "Л". Женщина 55 лет. Преподаватель по классу цимбал. Много лет одни благодарности. Но защитила на собрании сотрудницу, на которую нападало начальство. Директор отреагировал: "Пойдете на пенсию!" И выпроводил ... за плохую работу. Она еще успела повесить в своем классе занавеску, самую красивую в училище. Пришла на линейку к началу учебного года, а в класс ее не пустили. Побывала в райкоме, горкоме, ЦК, везде доводят: коллектив решил, что вы плохая работница. Плакала. Хохотала истерически: "Зачем я жила, чтобы так закончить?" Я предложил: "Напишем в управление культуры. Преподавателей музыки не хватает. Вас возьмут в другую школу." Она: "Нет. Только в свое училище!" — "Будьте реалисткой! Директор не примет вас." — "Тогда я повешусь."

Среди моих посетителей в последние год-два появились крупные руководители. Проректор института, замначальника республиканского главка, главный конструктор завода... Начальники стали жалобщиками? Искренне восприняв идеи Перестройки, они начали преобразования в своих организациях — и столкнулись ... с ПАРТИЕЙ. Она как стояла стеной, так и стоит. Ничего не трожь, не меняй! Проректора-реформатора "съели". Конструктора обвинили в некомпетентности.

8 октября 1988 года.

Прошел пленум ЦК КПБ, первый секретарь Е.Соколов выступил с докладом обо всем на свете, вплоть до проблем с мороженым. Партия сует нос везде, подменяет руководителей, специалистов. Из магазинов исчезли: носки, мебель, зубная паста, магнитофонные кассеты, телевизоры, стиральные машины, сахар, колбаса, писчая бумага, соль, посуда, ковры, простыни и наволочки, одежда, обувь, ну и мороженое...

16 октября 1988 года.

Вчера вечером четыре часа просидели с женой на дискуссии Минского политического клуба "Современник". Тема: создание в Белоруссии народного фронта. В прибалтийских республиках фронты уже есть. Название: народный

фронт содействия перестройке. Вступают и члены КПСС. Это поддерживает Горбачев. Он определяет фронту роль помощника партии. Не получится игры! Или КПСС продолжит узурпацию власти, или фронт станет самостоятельной партией с новой идеологией.

На трибуну выскочил руководитель лекторской группы Минского обкома Божанов. В этакой демократически распахнутой рубахе. Он не видит необходимости в народном фронте. Его спросили: КПСС доказала, что не способна, не так ли? Он парировал: "Не так! Партия еще раз доказала, что она сильная, мужественная, затеяла перестройку. Вы знаете еще одну такую партию в мире?" Зал захохотал.

26 октября 1988 года.

Был в командировке на Полесье. Познакомился с секретарем райкома по идеологии М.Г. 42-летняя женщина, мать двоих дочек, бывшая учительница. Болеет за культуру, идейность, дух. Расплакалась на заседании бюро, что у нее ничего не получается, что никто в районе всерьез не воспринимает ее работу.

Районная знать устроила ужин. Я удивился, увидев на столе спиртное. Ведь запрещено генсеком! Опьянение действовало на Г., как партийный гипноз: чем больше алкоголя, тем крепче убеждения. Я пошутил. Партдама обиделась. Затем добавила, принялась читать мне лекцию о формах и методах идеологической работы в массах. Стоял насмерть, чтобы не перебрать. Умолял: мне в девять утра садиться за руль. Заставляли как никогда ранее, до объявленной партией трезвости. Судя по всему, антиалкогольная кампания Лигачева-Горбачева завершена. Продолжают лишь вырубать виноградники и ломать винзаводы.

31 октября 1988 года.

Вчера солдаты и милиционеры подавили народный праздник поминовения предков Дзяды. Народ по-прежнему в тисках. Не пустили на кладбище!

Советский публицист, получивший газ в глаза, побывавший под пятнадцатиминутным арестом в милицейском автобусе, внесенный в анналы КГБ, знающий наверняка, что никто не напечатает его правдивый рассказ о

вчерашнем побоище, тем не менее записывает подробности в дневник, думает: зачем? И еще думает: а если придут с обыском?

2 ноября 1988 года.

"ЛГ" не напечатала мой репортаж о воскресном побоище в Минске у московского кладбища. Редакционный умник предложил пойти в горисполком и спросить, почему запретили митинг и Дзяды. У милиции спросить, почему применяли газ и дубинки. У прокурора спросить, почему все произошло. Я отверг "объективный" подход. Позиция жандармов предельно ясна из их действий. С баррикады репортаж передается лишь односторонний. Журналистика в воюющем обществе не может воспарить птицей и наблюдать с высоты. Я — на земле.

17 ноября 1988 года.

Опубликованы выводы комиссии ВС о событиях 30 октября. Мол, городские власти проявили формализм, не разъяснив заявителям митинга о нарушении закона. Милиция все делала правильно. Перестройка — не демонстрация, ее делает партия, а не самозванцы из народного фронта. Значит, это партия брызгала мне в глаза слезоточивый газ из баллончика. Чтобы я оставался слепой.

Звонил В.Быков, уточнял у меня как свидетеля, участвовали ли в разгоне митинга войска. Газета "Московские новости" на его интервью дала опровержение министра МВД БССР. Я два года отбыл в армии лейтенантом, носил китель и галифе, способен отличить форму военную от милицейской. Я видел, как СОЛДАТЫ хватали и затакивали в грузовики участников митинга 30 октября. Быков возглавил общественную комиссию по расследованию.

19 ноября 1988 года.

Меня пригласили выступить на профсоюзных курсах Белсовпрофа. Учились там работники агропрома. Рассказав, как разгоняли Дзяды, я почувствовал в зале (человек 100) ненависть. Мне дали жесточайший отлуп. Вы — не писатель, а подстрекатель, о таких надо сообщать в органы. Передайте своему Быкову, что мы найдем на него управу.

Страшно осознавать, насколько одурачены люди. Реакционная пресса с блеском сделала черное дело. Там работают мои друзья, знакомые. Боюсь заходить в Дом печати: надо ведь здороваться.

Президиум Союза писателей в полном составе вызвали в ЦК КПБ к Соколову, тот заявил: все в стране хорошо, нам ни к чему народный фронт. Н.Гилевич прозрел и сообщил, что выходит из группы по организации фронта.

Жена с грустью рассказала, как в раздевалке бассейна видна бедность: женщины в заштопанных колготках и трусах.

5 декабря 1988 года.

Свежие анекдоты.

Горбачев выступает в Эстонии. По-русски. Ему передают записочку: "Говорите по-эстонски". Он молча положил записку в карман и продолжает по-русски. Ему присылают новую записочку: "Если не заговоришь по-эстонски, то мы кое-что сделаем с твоей Раечкой". Горбачев прочитал и ответил: "Если вы сделаете что-нибудь с Раисой Максимовной, вся Сибирь заговорит по-эстонски".

Горбачев в Америке. Его спрашивают: "Чего изволите кушать?" — "Мозги какого-нибудь сенатора". Через пару минут ему приносят требуемое блюдо. Рейган в СССР. Его спрашивают: "Чего изволите кушать?" — "Мозги какого-нибудь члена политбюро". Ждет полчаса, ждет час — блюдо не приносят. Горбачеву неловко перед гостем. Выскакивает на кухню: "Где мозги американскому президенту?" Отвечают: "Михаил Сергеевич, уже зарезали десять членов политбюро, мозгов нет, одни языки".

Политический анекдот опережает время, концентрирует передовую мысль. О современных анекдотах, о проблемах перестройки я недавно поразмышлял перед телекамерой. Попросили коллеги из литературной редакции. Однако председатель Гостелерадио Г.Буравкин проявил коммунистическую бдительность, передачу зарезал.